

Глава 12

— Не за что. В конце концов, я его дядя.

Му Циньчуань произнёс это с напускным безразличием, но тут же выдвинул свои требования:

— И всё же я считаю, что ребёнку не место рядом с тобой, пока ты в бегах и тебя преследуют. Я специально навёл справки: эксперты по воспитанию говорят, что детям нужна стабильная и безопасная среда для роста. Давай так: мы будем сотрудничать. Ты занимаешься внешними делами, а я — внутренними. Ты отправляешься в гуй-миры искать лекарство для ребёнка, а я увольняюсь и сижу с ним дома.

Он с энтузиазмом хлопнул себя по груди:

— Можешь не волноваться, я откормлю его, будет белый и пухленький. Если хоть один волосок с его головы упадёт, можешь забирать мою.

Цзян Чэньчжоу с огромным трудом сдержался, чтобы не избить его и не вышвырнуть вон. Он потёр переносицу. Да, сколько бы лет ни прошло, его шурин оставался всё таким же невыносимым.

— Сяо Мяо, должно быть, проголодался. Пора ужинать, — прервал его Цзян Чэньчжоу.

Му Циньчуань холодно фыркнул, про себя отметив, что этот зять всё так же неприятен, как и всегда.

Ради сына и племянника соответственно, они оба решили пойти на мировую, по крайней мере, внешне сохраняя видимость гармонии.

Му Циньчуань бросил взгляд на кисло-сладкие рёбрышки, источающие ауру гуй, затем на черно-фиолетовый, булькающий «суп из морепродуктов», и его губы дрогнули.

— Как вкусно пахнет! — Цзян Юаньмяо не заставил себя упрашивать. Вымыв руки, он уселся на свой стульчик для кормления.

— Ты... — ты этим кормишь ребёнка?

Му Циньчуань был в ужасе, боясь, что его племянник отравится. Но он тут же сжал губы, проглотив готовые сорваться с языка слова. Он вспомнил, что его племянник — не обычный ребёнок.

— Гав-гав-гав! — побелевший Ванчай всю вилял хвостом. За едой он всегда был самым активным.

— Папа, Ванчаю тоже, — Цзян Юаньмяо обожал своего питомца.

— Хорошо, и Ванчаю тоже, — Цзян Чэньчжоу тоже обожал своего сына.

Ванчай тут же сунул морду в миску и с жадностью принялся есть, издавая чавкающие звуки.

Цзян Юаньмяо, хоть и не видел, но, слыша это, радовался и ел с ещё большим аппетитом.

Му Циньчуань смотрел, как он уплетает за обе щеки, отправляя в рот одного гуй за другим, и невольно сглотнул.

— Дядя, почему ты не ешь? — склонив голову набок, спросил Цзян Юаньмяо.

Он подумал, что дядя какой-то странный. Может, он презирает его отца за бедность и даже после смерти матери не может избавиться от предрассудков?

Трудная любовь бедняка и богатой наследницы, обречённая на косые взгляды со стороны её семьи. Он всё понимал.

Цзян Юаньмяо решил, что должен стать связующим звеном между отцом и дядей.

— Дядя, мой папа так вкусно готовит, попробуй.

Не дождавшись ответа, Цзян Юаньмяо с энтузиазмом протянул ему свою ложечку, на которой лежал маленький осьминог. Щупальце, тушёное несколько часов при низкой температуре, стало желеобразным, но сохранило упругость, сочетая в себе хрустящую, нежную и эластичную текстуру. Это был его любимый суп, и потому Цзян Чэньчжоу готовил его очень часто.

Племянник с энтузиазмом протягивал ему руку. Му Циньчуань сглотнул, улыбка застыла на его лице. В его глазах щупальце осьминога источало ауру гуй. Один укус — и уровень загрязнения подскочит до небес.

— Кхм-кхм, твой дядя это не любит. Сяо Мяо, ешь сам, — Цзян Чэньчжоу, вдоволь насмотревшись на его мучения, решил вмешаться.

— Дядя такой привередливый, — с сожалением сказал Цзян Юаньмяо и отправил осьминога себе в рот. Такое вкусное блюдо, а дяде не нравится.

Му Циньчуань вытер несуществующий пот со лба и бросил испепеляющий взгляд на насмешника.

Цзян Чэньчжоу вскинул бровь и пододвинул ему тарелку с обычной едой.

— Ешь, привередливый дядя.

— Большое спасибо, — процедил сквозь зубы Му Циньчуань, вынужденный принять эту «любезность».

Он заметил, что Цзян Чэньчжоу тоже ест обычную пищу. Ну да, он ведь всё ещё человек и не может питаться гуй напрямую.

От этой мысли Му Циньчуань нахмурился ещё сильнее.

Неужели племяннику действительно можно есть гуй? Не будет ли у него от этого болеть живот? О чём только думает Цзян Чэньчжоу, зачем он кормит ребёнка такой едой?

— Дядя, вкусно было? — спросил Цзян Юаньмяо, когда Цзян Чэньчжоу ушёл на кухню мыть посуду.

— Вкусно, очень вкусно, — ответил Му Циньчуань, хотя еда показалась ему безвкусной, как бумага.

Цзян Юаньмяо удовлетворённо кивнул и вдруг спросил:

— А маме бы понравилось?

— Маме?

Му Циньчуань нахмурился и бросил гневный взгляд в сторону кухни. Что за дела? С каких это пор его брат сменил пол?

Не получив ответа, Цзян Юаньмяо вздохнул. Похоже, смерть матери стала тяжёлым ударом и для отца, и для дяди.

Поэтому в сюжете о ней упоминалось лишь вскользь. Кем же была рано умершая жена злодея, его мама?

Цзян Юаньмяо не решался спросить отца, боясь задеть его истерзанную душу и ускорить его превращение в злодея. Но с дядей он решил не церемониться.

— Дядя, скажи по секрету, какой была мама?

Му Циньчуань не знал, что ответить. Не мог же он сказать: «У тебя нет мамы, у тебя два папы». А как двое мужчин могут родить ребёнка, он и сам не смог бы объяснить.

— Моя мама, наверное, была очень красивой, с глазами, как звёзды, нежная и заботливая, и часто улыбалась... — затараторил Цзян Юаньмяо, делаясь своими прекрасными догадками о матери.

Му Циньчуань схватился за голову и прижал руку к сердцу, не в силах вымолвить ни слова.

Нежный? Его брат, который избивал его по триста раз на дню, не имел ничего общего с нежностью.

Часто улыбался? Да, Юань Ся часто улыбался: насмешливо, презрительно, саркастически, холодно... В искусстве язвить ему не было равных.

Заботливый? Ха! Это все заботились о его брате, а Юань Ся в жизни ни о ком не заботился. Его жизненным принципом было решать всё кулаками.

Му Циньчуань скованно повернул голову в сторону кухни.

Насколько же сильны должны быть розовые очки у Цзян Чэньчжоу, чтобы внушать ребёнку такие ложные представления о «маме»?

Не получив ответа, Цзян Юаньмяо недовольно спросил:

— Дядя, почему ты молчишь?

Му Циньчуань мысленно усмехнулся. Что он мог сказать? Разрушить прекрасный образ матери в сознании ребёнка?

— Ты прав, он был именно таким, — со слезами на глазах произнёс Му Циньчуань. — Он был самым добрым, нежным и ласковым братом на свете, никогда меня не бил, и когда я ошибался, всегда убеждал меня словами. Если бы он был жив, он бы тебя очень любил.

— Конечно, я же его родной сын, — обрадовался Цзян Юаньмяо.

Поглаживая Ванчая, он с сожалением добавил:

— Жаль, я его никогда не видел. Вот бы он был жив.

От этих слов сердце Му Циньчуаня готово было разорваться. Он сел рядом и обнял его.

— Не грусти. Дядя будет тебя любить. Я буду любить тебя, как родного сына.

Цзян Юаньмяо не оценил этого порыва и вырвался из его объятий.

— Дядя, ты такой странный. У меня есть папа, мне не нужен ещё один.

Разбитое сердце Му Циньчуаня треснуло окончательно.

— Сяо Мяо прав. Хочешь ребёнка — роди своего, а не пытайся отобрать чужого, — вставил нож в спину Цзян Чэньчжоу.

Что оставалось делать Му Циньчуаню? Только терпеть нападки отца и сына.

Уходить он не собирался. Он с таким трудом проник в их дом и был уверен, что со временем завоюет расположение племянника. Похищение ребёнка было лишь вопросом времени, и он не собирался отступить.

Му Циньчуань сделал вид, что не замечает взглядов Цзян Чэньчжоу, и продолжил играть с племянником в дочери-матери.

Когда Цзян Юаньмяо устал и лёг спать, он всё ещё не уходил.

Он отобрал у Цзян Чэньчжоу право читать сказку на ночь и, убедившись, что ребёнок уснул, посмотрел на его личико, так похожее на Юань Ся, и его охватили ещё более сложные чувства.

Наклонившись, он поцеловал ребёнка в лоб и мысленно поклялся: «Что бы ни случилось, я тебя защищу».

— Всё ещё не уходишь? — спросил Цзян Чэньчжоу, скрестив руки на груди, как только он вышел из комнаты.

Му Циньчуань, осторожно прикрыв дверь, помрачнел.

— Ты когда отправляешься?

— Чем раньше, тем лучше. Я хочу, чтобы зрение Сяо Мяо восстановилось как можно скорее. Когда он сможет видеть, я отправлю его в детский сад, чтобы он жил обычной жизнью, как все дети, — не стал скрывать Цзян Чэньчжоу.

От этих слов Му Циньчуань нахмурился.

Он признавал, что между Цзян Юаньмяо и Юань Ся была неоспоримая кровная связь, но его племянник был пропитан аурой гуй и даже не мог выносить солнечного света. Позволить такому «ребёнку» жить обычной жизнью было просто несбыточной мечтой.

— Он...

У Му Циньчуаня было много что сказать, но он не знал, с чего начать. После долгих колебаний он лишь произнёс:

— Ладно, я пойду с тобой.

— Не нужно, я справлюсь один, — отказался Цзян Чэньчжоу.

— Это новый гуй-мир, неизвестно, что там внутри. Он очень опасен, я могу помочь, — настаивал Му Циньчуань.

— У тебя особый статус. Тебя могут заметить, — объяснил Цзян Чэньчжоу.

Эти слова заставили Му Циньчуаня нахмуриться. Хотя директор Чжан и дал объяснения, он понимал, что его внезапное отстранение не было случайностью. Вполне возможно, он был под подозрением. Иначе за ним бы не следили.

— Если я задержусь, присмотри за ним, — добавил Цзян Чэньчжоу.

— Хорошо, — кивнул Му Циньчуань. — Он и мой племянник тоже. Можешь не просить, я, конечно, о нём позабочусь.

Мысль о том, что он сможет провести время с племянником наедине и завоевать его расположение, приблизила его на один шаг к заветной цели — похищению ребёнка.

— Не балуй его слишком. Сяо Мяо — не обычный ребёнок, — предупредил Цзян Чэньчжоу.

Но Му Циньчуань пропустил это мимо ушей, решив, что зять просто боится, что он займёт главное место в сердце племянника.

Не успел Цзян Чэньчжоу уйти, как Му Циньчуань уже был тут как тут.

Поскольку отец дал разрешение, Цзян Юаньмяо на этот раз послушно открыл дверь.

Му Циньчуань посмотрел вниз и увидел нежное личико племянника, который, задрав голову, казался ещё более большеглазым. А ресницы — просто мечта.

Ну как можно быть таким милым? Сразу видно, их порода.

Му Циньчуань схватил его на руки и с шумом втянул воздух.

— Мой драгоценный племянничек, дядя пришёл поиграть с тобой!

Цзян Юаньмяо почувствовал себя неловко и попытался отстраниться.

— Дядя, не надо так.

Сначала Му Циньчуань не придавал этому значения, но вскоре понял, что что-то не так.

Сила у племянника была просто невероятная! Тьфу, это до боли знакомое ощущение!

Пара ударов кулачками, таких знакомых, вернули Му Циньчуаню толику здравомыслия. «Что ж, неудивительно, он ведь сын Юань Ся. Кулачки хоть и выглядят нежными, а сила в них немалая».

Только вот ребёнок не рассчитывает силу. Что, если он в детском саду кого-нибудь ударит? Вызовут родителей. Сможет ли он, как дядя, пойти?

Он так погрузился в свои фантазии о вызове к директору, что не заметил, как...

Щёлк!

Му Циньчуань с каменным лицом вправил вывихнутую челюсть.

— Дядя, что это за звук? — спросил Цзян Юаньмяо, не подозревая о содеянном.

Му Циньчуань потёр подбородок и с улыбкой ответил:

— Это дядя так радуется, видя Сяо Мяо, что от смеха челюсть сводит.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Цзян Юаньмяо. — Дядя такой смешной, он же не курица, чтобы

кудахтать от смеха.

Посмеявшись, он прижался щекой к щеке дяди.

— Я тоже очень рад видеть дядю.

Нежное прикосновение пухлой щёчки заставило Му Циньчуаня тут же забыть о боли.

Но в следующую секунду он услышал вопрос племянника:

— Дядя, вы не скажете, куда ушёл папа? Я за него очень волнуюсь.

Лицо Му Циньчуаня вытянулось. Так вот оно что.

<http://bllate.org/book/13420/1194698>